

УДК 32.019.5

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/19

«ЯЗЫКИ НЕ ИЗУЧАЮТСЯ ПО СИМПАТИЯМ ИЛИ АНТИПАТИЯМ, А ПО ТРЕБОВАНИЯМ ПРАКТИЧЕСКОЙ НАДОБНОСТИ»: О СПОРЕ АКАДЕМИКОВ ЛАМАНСКОГО И СТОЯНОВИЧА О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДЕЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН В НАЧАЛЕ XX в.

В.А. Болдин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект 27/4

E-mail: boldin.va@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена дискуссии о роли русского языка в деле объединения славян, развернувшейся на страницах венского журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.) между двумя поколениями панславистов: «патриархом российского славяноведения», убежденным славянофилом В.И. Ламанским (1825–1902) и сторонником «нового славянского мировоззрения», лидером сербской Радикальной партии Любомиром Стояновичем (1860–1930). Анализ полемики двух ученых и общественных деятелей позволяет понять сущностные трансформации, происходившие в идеологии панславизма в начале XX в., объяснить причины возрождения интереса к «славянской идее» на рубеже веков, а также охарактеризовать панславизм в начале XX в. как «культурно-экономический».

Ключевые слова: панславизм, культурно-экономический панславизм, В.И. Ламанский, Л. Стоянович.

**“LANGUAGES ARE NOT STUDIED BY
SIMPATHIES OR ANTIPATHIES, BUT ONLY BY
REQUIREMENTS OF PRACTICAL SUITABILITY”:
THE DISPUTE BETWEEN ACADEMISTS
LAMANSKY AND STOYANOVICH ABOUT THE
ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR
INTEGRATION OF THE SLAVS IN THE EARLY
20TH CENTURY**

V.A. Boldin

Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosov Avenue, Moscow, 119991, Russia
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Abstract

The article dwells on the discussion about the role of the Russian language for the integration of the Slavs between two generations of Pan Slavists: the “patriarch of Russian Slavic studies” and a convinced Slavophile V.I. Lamansky (1825–1902) and a supporter of the “new Slavic worldview”, leader of the Serbian “Radical Party” Lubomir Stojanovic (1860–1930), which unfolded in the journal “Slavyanskyy vek” (Vienna, 1900–1904). The analysis of their argumentation makes it possible to understand the transformations that took place in the ideology of Pan-Slavism in the early 20th century, to explain the revival of the interest in the “Slavic idea” at the turn of the century, and to characterize Pan-Slavism as “cultural and economic” phenomenon in the early the 20th century.

Keywords: Pan-Slavism, cultural-economic Pan-Slavism, V.I. Lamansky, L. Stojanovich.

**КРИЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПАНСЛАВИЗМА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

К концу XIX в. идеология панславизма¹ пребывала в состоянии кризиса (Прокудин 2018: 22). Основным фактором, предопределившим эволюцию во взглядах русских панславистов, стало бурное развитие капиталистических отношений. Экономический сдвиг требовал новых

идеологических обоснований. Поиск новых рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь, зарождавшаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая в конкуренции немецким производителям, пыталась занять свое место в новой экономической ситуации и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Основным идейно-теоретическим посылом русского панславизма в начале XX в. становится поиск путей экономической интеграции славянских территорий.

В начале XX в. в среде русских панславистов четко оформились два идеологических течения, взгляды которых на пути развития славянской идеи принципиально расходились. Первое, условно консервативное, сгруппировалось вокруг Славянского благотворительного общества и строго хранило верность «старым славянофильским» заветам. К нему можно отнести А.А. Башмакова, П.А. Кулаковского, В.Н. Кораблева, А.И. Соболевского, А.С. Будиловича, И.С. Пальмова и др. При этом было бы ошибочно считать, что представители консервативного направления в русском панславизме начала XX в. не замечали изменения исторических условий и не видели надобности в обновлении своей политической доктрины. О важности пересмотра ряда наиболее устаревших моментов панславизма, например, прямо говорил А.А. Башмаков, отмечая, что он сам видит славянскую идею «за пределами государственности и церковности», ведь «мерило русское – православие, самодержавие, народность – не может совпадать в полной тождественности с мерилom общеславянской истории...» (цит. по: Ненашева 1984: 59–60). Однако для них были характерны приверженность традиционным идеям об особой мессианской роли России в деле объединения славян, о совпадении национальных интересов России с интересами славянских народов (т. к. в отрыве от единственного независимого славянского государства последние не смогут обеспечить себе достойное существование и падут под натиском других народов) и признание «польского вопроса» внутривнутриполитическим делом России, не требующим политических компромиссов.

Вторую «партию» можно охарактеризовать как либеральную, «неославянофильскую». Первоначально она сложилась вокруг петербургского кружка «Славянская беседа», а затем венского журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.). Среди тех, кто относил себя к представителям «неославянофильства», ратовал за пересмотр основ славянской идеи, можно выделить И.В. Каменского, Г.А. Ильинского, Р.Г. Пржевальского, Д.Н. Вергуна, А.Л. Липовского. Для «неославянофилов»² были характерны следующие «новаторские» взгляды на

панславизм: 1) отказ от признания конфессионального фактора как главного в деле объединения славян; 2) пересмотр ведущей роли России в процессе интеграции славянских земель; 3) отказ от славянофильской идеи противопоставления Востока и Запада, России и Европы; 4) особое внимание к культурной и экономической интеграции как будущей основе для объединения славян на равноправных федеративных началах (культурно-экономический панславизм); 5) готовность идти на политические компромиссы для решения славянских проблем.

Тем не менее и либералы, и консерваторы понимали неизбежность передела рынков сбыта, а славянские страны могли представлять собой интерес для набирающей ход русской промышленности. Ведь, как отмечает профессор К. Боекх, в конце XIX в. русский панславизм действительно трансформировался под влиянием процессов модернизации и индустриализации, охвативших Российскую империю. Обновленный «неопанславизм» (Neo-Pan-Slavism), или «неославизм» (Neo-Slavism)³, более не настаивал на доминирующей роли России в славянском мире, переместив акцент на противодействие немецкой гегемонии и распространение пангерманизма (Boeckh 2016: 108).

Однако отказ от старых, традиционных славянофильских схем славянской интеграции происходил достаточно болезненно. Одним из тех, кто до конца оставался верен идеалам славянофильства, был «патриарх российского славяноведения» В.И. Ламанский. Ключевой идеей панславизма Ламанского, характеризующего в современной литературе как «культурный панславизм», было представление об исключительной роли русского языка в деле объединения славян. Только через распространение русского языка как средства межславянской коммуникации возможно достичь славянского единства. Этот пункт являлся краеугольным камнем позиции сторонников «русской интеграции» славян (Гудков, Ширинянец 2001: 99).

Тем не менее к началу XX в. все яснее становится тот факт, что в новых условиях само по себе распространение русского языка не дает никаких политических дивидендов. В этой связи интересна позиция западных и южных славян по вопросу распространения русского языка. Насколько они были заинтересованы в этом?

Показательна дискуссия, развернувшаяся на страницах венского журнала «Славянский век» между двумя академиками и общественными деятелями, двумя поколениями идеологов славянского движения, русским и сербом – славянофилом «старой школы» Владимиром Ламанским и сторонником «нового славянского мировоззрения», лидером Радикальной партии Любомиром Стояновичем.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»

Для начала нужно сказать несколько слов об издании, на страницах которого развернулась эта показательная дискуссия. Журнал «Славянский век» начал выходить в свет в 1900 г. в Вене под редакцией известного деятеля славянского движения, представителя Санкт-Петербургского телеграфного агентства, а по некоторым данным, и вовсе сотрудника российской разведки (Миллер 2008: 175) Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Журнал сразу стал позиционировать себя как новый «всеславянский орган», который «не будет и не желает быть продолжателем прежних русских славянофильских изданий», которые, по выражению Вергуна, часто носили официальный характер и субсидировались государством. Провозгласив себя «начинателем нового дела» и «хранителем славянофильских заветов», «Славянский век» поставил своими задачами «служить непосредственному распространению русского языка среди юго-западных славян, делу культурного единения славян путем взаимного ознакомления их на общеславянском языке и на почве практических, торговых интересов под девизом Палацкого: *Svůj k světu* (Свой к своему)» (Вергун 1900: 3). На тот момент издание было единственной независимой площадкой, на которой происходили важнейшие дискуссии о политических судьбах славянских народов. В России же издание подобного журнала до 1905 г. было попросту невозможно из-за действовавшей цензуры.

Кроме долгосрочной цели распространения русского языка как будущего языка межславянской коммуникации, «Славянский век» ставил перед собой и более утилитарные задачи, например, развитие торговых отношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом посредством предоставления возможности производителям и торговцам осуществлять общение при помощи журнала.

В политической программе журнала «Славянский век» четко фиксируется главный тренд в эволюции панславизма начала XX в. – усиление экономической составляющей и приоритет идей экономической интеграции славянских народов как единственного средства противостояния немецкой экономической экспансии. В то же время отмечается и преемственность взглядов с предыдущими поколениями русских панславистов. В связи с этим взгляды «круга» журнал «Славянский век» предлагал характеризовать как *культурно-экономический панславизм*. Данная трактовка дополняет существующие классификации русского панславизма как культурного и политического (Maxwell 2018: 634–635). Панславизм в начале XX в.

эволюционировал в сторону экономики и был именно культурно-экономическим. Данный термин представляется наиболее корректным, т. к., с одной стороны, он подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой – выделяет и его основное отличие – экономический аспект (Болдин 2018: 120–121).

Издание просуществовало до конца 1904 г., но вынуждено было прекратить свою работу по ряду причин, в первую очередь, из-за проблем с австрийскими и российскими властями (Вергун 1904b: 561–562; Егорова 2017: 155–159).

«СПОР ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ» – ДВА ВЗГЛЯДА НА БУДУЩЕЕ ПАНСЛАВИЗМА

Возвращаясь к дискуссии между Ламанским и Стояновичем, отметим, что ее можно смело охарактеризовать как «спор двух поколений». Свои взгляды Ламанский изложил в двух статьях: «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросах народности?».

Первая из двух статей, написанных для венского журнала, была опубликована в сдвоенном выпуске «Славянского века», № 9–10 за 1900 г. Примечательно, что статья вышла на двух языках – русском с параллельным переводом на немецкий. Можно предположить, что она была адресована, в первую очередь, западнославянскому читателю, а точнее, славянскому населению Австро-Венгрии, где представители интеллигенции считали «правилом хорошего тона» говорить скорее по-немецки, нежели знать свои собственные национальные языки.

Необходимо сказать, что к началу XX в. на территории Австро-Венгрии проживало около 46 млн чел., из которых более 20 млн были представителями славянских этносов (чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словенцы, русины) (Шапошников 1927: 23–25; Фоминых, Зиновьев 2015: 88). Таким образом, «славянский вопрос» являлся одним из ключевых во внутренней политике империи Габсбургов. Кроме того, экономическая неоднородность территорий империи, а также отстраненность нарождавшейся славянской буржуазии от основных источников капитала в Австро-Венгрии способствовали тому, что славянские политики и общественные деятели постоянно искали пути увеличения собственной национальной автономии, а также экономической независимости (Sandor 1981: 8). Соответственно, они были заинтересованы в налаживании связей с Россией – единственным независимым славянским государством, на поддержку которого могли рассчитывать.

Ламанский начинает свою статью следующими словами: «В Европе и отчасти в Америке живет с лишком 36 млн западных славян... По-

видимому, западное славянство представляет собой огромную силу и величину весьма почтенную и должно бы было внушать соседям высокое уважение к себе. Но, к сожалению, не так это в действительности» (Ламанский 1900а: 2). Автор отмечает, что, кроме сербов и болгар, ни один западнославянский народ не имеет своего государства. Тем не менее и на территории указанных стран политическая борьба и конфликты ставят под сомнение их успешное процветание. В своей статье он пытается разобраться и дать ответ на вопрос: в чем же причина подобного удручающего положения столь «могучей силы», как славянство?

Ламанский вынужден сделать вывод, что к концу XIX в. западное славянство «не согласно признавать за истину то простое положение, что в борьбе за равноправность народностей с сильным противником нужно иметь если не лучшее, то одинаковое с ним оружие» (Ламанский 1900а: 6). «Немцы, – продолжает он, – как и итальянцы когда-то, как по сие время славяне, имели несколько литературных языков, но, благодаря счастливому сочетанию разных внешних и внутренних обстоятельств, гению писателей и здравому смыслу народа, они объединились в литературе и образованности и возымели общий литературный язык. У 36 миллионов славян – 7 или 8 (если считать кашубский) литературных языков... Можно ли ожидать, чтобы немцы хотя бы одной Цислейтании выучивались всем этим языкам и понимали бы речи славянских ораторов в венском парламенте на их родных языках? И не обречено ли племя, разделенное на несколько самостоятельных народностей, постоянно уступать племенам, не бросившим обработки своих наречий, но все же объединенным одним общим языком, обязательным для каждого образованного итальянца, немца, француза, испанца, англичанина, североамериканца?» (Ламанский 1900а: 6).

Поэтому, по мысли Ламанского, только русский язык может стать универсальным средством коммуникации и межкультурного общения: «Ни польская, ни чешская, ни сербская речь никогда не возымеют мирового значения. Для того требуются не одни дарования и культурные успехи известного народа, но и быстрое его размножение и распространение, и обширная государственная его территория» (Ламанский 1900а: 7).

Вследствие этого единственным способом литературного, а в дальнейшем, возможно, и государственного объединения славянских народов становится распространение русского языка как общелитературного для всех славян. Дополнительным аргументом в пользу русского языка является, по мысли Ламанского, тот факт, что исторические противоречия и конфликты, раздирающие славянский мир,

никогда не позволят, например, полякам признать превосходство чешской культуры или языка, а сербам принять тот факт, что их литература и история менее «блистательна и важна», нежели история хорватов или словенцев. Таким образом, только Россия остается единственным неоспоримым эталоном в культурном, политическом и экономическом плане⁴.

Вторая статья В.И. Ламанского – «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» – была написана для журнала «Славянский век». В ней автор продолжает развивать свою концепцию культурной интеграции славянских земель с помощью русского языка.

Он пишет: «При справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50–100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России... К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200–300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода сношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими» (Ламанский 1900b: 2–3). Т. е. призывы Ламанского способствовать распространению русского языка в славянском мире были продиктованы не только желанием помочь славянским народам избежать «онемечивания», но и геополитическими интересами России.

Автор в который раз убеждает своих читателей, что русский путь интеграции для славян является единственно разумным хотя бы потому, что «ни один из славянских языков, ни болгарский, ни сербохорватский, ни словенский, ни польский, ни чешский, ни словенский, т. е. словацкий, ни серболужицкий, словом, ни один славянский, за исключением русского, и в далеком будущем не может достичь значения языка общеславянского», а «для русского языка предстоит еще самое широкое распространение в Европе, в Азии, в Америке, между германцами, романцами, а затем и в остальном мире» (Ламанский 1900b: 3). Следует отметить, что тезис Ламанского о возрастании роли России в мире в начале нового столетия не кажется беспочвенным. Несмотря на то, что экономическое развитие России на рубеже веков носило скачкообразный характер, все же за относительно короткий срок Российская империя по темпам экономического роста сумела догнать ведущие индустриальные страны, такие, как Великобритания, Франция, США, Германия, а по некоторым показателям и опередить их (Гуторов 2014: 23).

В.И. Ламанскому представлялся очевидным тот факт, что только русская «национальность» и русский язык имеют «политический»

характер: «Эта национальность и этот национальный язык – единственная славянская национальность и единственный в мире славянский язык с правами на значение не только общеславянского, но и мирового языка» (Ламанский 1900b: 6).

Завершая рассмотрение двух работ Ламанского, относящихся к позднему этапу его творческой деятельности, следует отметить последовательную его приверженность концепции «культурного панславизма», основанную на идее распространения русского языка как единственно возможного средства сближения славянских народов в культурном и политическом плане. Автор в «Славянском веке» выступает со схожими идеями, которые он высказал как в одной из первых своих статей «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864), которую Б.Ф. Егоров небезосновательно называет «первой откровенной программой русификаторского панславизма» (Егоров 2003: 100), так и в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». Включая славянский вопрос в антагонизм двух миров, греко-славянского и романо-германского, Ламанский рассматривал идею славянского единства, в первую очередь, как основу самосохранения славянства и России, как доказательство права славян и их культуры на существование.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ» ПАНСЛАВИЗМ СТОЯНОВИЧА

С критикой позиций Ламанского, высказанных в вышеупомянутых статьях, выступает на страницах «Славянского века» сербский общественный деятель и ученый Любомир Стоянович (1860–1930). В ответ он публикует статью «Общеславянский язык», в которой пытается опровергнуть отжившие идеологемы «культурного панславизма».

Сербский общественный деятель уверяет, что идея продвижения русского языка как средства общения между славянами, о которой пишут уже более пятидесяти лет, в нынешних условиях обречена на неудачу. Русские авторы укоряют в этом западных славян, но заслужили ли они эти упреки? По мнению Стояновича, нет. Он уверяет, что причина столь медленного распространения русского языка не в его трудности, не в боязни обрусения, не в незначительности русской литературы, не в слабой деятельности книжных обществ, не в недостаточных усилиях ученых-филологов. Причина, по которой образованный славянин предпочитает французский или немецкий, до боли прозаична – экономическая выгода. Потребность в русском языке не ощущается ни у серба, ни у хорвата, ни у чеха или поляка, т. к. все их экономические интересы сосредоточены в Германии или Австрии, а экономическое присутствие России в славянских землях минимально. И разве в этом не ее вина? Рассуждая об экономическом

положении родной Сербии, Стоянович пишет: «Все мы всей своей жизнью направлены на Запад, особенно на Австрию и Германию. Почти вся наша ввозная и вывозная торговля связана с этими двумя государствами. На первом шагу за границей мы встречаемся с немецким языком. Немецкие торговые агенты являются не только в Белград, но и путешествуют по всем городам, часто научаются и по-сербски. Каждый торговец, и вывозящий, и ввозящий, если он желает преуспевать, должен знать по-немецки. Не только большинство образованных людей дополняет свое образование на Западе, но и книги, и газеты получают с большей быстротой, точностью и дешевизной с Запада, и всякий образованный человек, если он даже не выезжал из Сербии, должен знать по-немецки или по-французски» (Стоянович 1901: 4). В то же время с Россией торговли никакой, русские банки не работают, сообщение и инфраструктура отсутствуют, «явится какой-нибудь русский славист на 3–4 недели в Белград ради своих занятий, а внутри страны много места, где русского никогда и не видели» (Стоянович 1901: 4). Русские газеты и журналы не распространяются должным образом не только в Сербии, но и на Балканах. Русские книги крайне дороги для доставки, поэтому и не популярны. Откуда же сербу или хорвату знать русский язык? Да и зачем, если он не понимает его полезности, кроме патетических возгласов о «братском единстве»? Важен следующий вывод Стояновича: «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности» (Стоянович 1901: 5).

Кроме того, Стоянович негативно оценивает и внешнюю политику России, и, в первую очередь, молчаливое согласие на оккупацию Австрией двух славянских территорий – Боснии и Герцеговины, а затем и подписание дипломатических соглашений с Австрией, «уступая ее влиянию славянские территории». «Уже тысяча двести лет, как немцы теснят славян; когда наступит конец этому?» (Стоянович 1901: 10). Он считал, что Россия не предпринимает никаких усилий по противодействию этому процессу и что у славян уже нет времени создавать общий литературный язык, нет времени рассуждать об отвлеченных началах: «у нас освобождение политическое должно предшествовать духовному объединению» (Стоянович 1901: 10), иначе славянские народы падут под экономическим и политическим натиском западных соседей.

Именно из-за этого «романтические» тезисы Ламанского кажутся славянскому деятелю уже изжившими себя. Если Россия не вернет себе экономическое влияние в регионе, то она навсегда лишится своих «братьев», а отвлеченные разговоры о философских основах «греко-славянского мира» и мечтания о русском языке как о средстве общения славян так и останутся мечтами.

Выводы Стояновича являются показательными, западные и южные славяне, не видя присутствия России в регионе, а наоборот, наблюдая ее сотрудничество с Австрией, уже не верили в добрые намерения романтиков-славистов. Им нужны были реальные экономические шаги со стороны России, которые позволили бы славянским землям занять свое место в формировавшейся мировой капиталистической системе.

Стоянович в своих утверждениях о важности экономики в межславянских связях был не одинок. Подобные идеи были характерны и для славянских общественных деятелей, занявших особое место в кругу авторов журнала «Славянский век», – хорвата Степана Радича (1871–1928), болгар Стефана Бобчева (1853–1940) и Стефана Цанкова (1881–1965), серба Михаила Вуича (1853–1913), поляка Мариана Здеховского (1861–1938). Все они были убеждены, что Россия должна по-новому взглянуть на славянские народы как на равноценных партнеров, ведь обе стороны заинтересованы друг в друге, прежде всего, экономически.

Так, на страницах журнала «Славянский век» основатель Хорватской крестьянской партии Степан Радич выступил с рядом статей, среди которых особенно выделяется цикл работ под общим названием «Второй период славянского возрождения», посвященный идее необходимости консолидации усилий всех славян в новых исторических условиях (Радич 1901). В них он утверждал, что славяне все больше уходят в сторону от «призрачного политического панславизма». Не противопоставляя более себя Западной Европе, они движутся в сторону национального «космополитического сплочения» для обороны от германизма (Фрейдзон 1992: 215–222; Фоминых, Степнов 2015: 86–96).

Особые надежды на возрождение экономических и политических контактов между славянами возлагали болгарские деятели. Так, например, в статье «Славянская идея в Болгарии», опубликованной в 1902 г. в выпуске № 46 журнала «Славянский век», известный богослов Стефан Цанков приходит к выводу, что «болгары стонут под тяжким немецким игом», и вместо того, чтобы развивать собственную промышленность и искать новые рынки для своих продуктов, они оказались в условиях экономического рабства. Поэтому он призывает к развороту во внешней политике к России, активизации работы таких организаций, как «Болгарское славянское общество», «Комитет Царя Освободителя», «Славянская беседа». Именно их деятельность поможет возродить не только культурные и политические, но и экономические связи Болгарии с «великим русским народом», своим «естественным покровителем и другом» (Цанков 1902: 620–624).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

К началу XX в. славянская идея вновь переживала период своего возрождения. Однако в новых реалиях панславизм приобретает и новое наполнение – культурно-экономическое. Вследствие этого «старое славянофильство» с его идеями о мессианской роли России и универсальности русского языка находит все меньший отклик в сердцах западных и южных славян. Кроме того, происходит и изменение социального состава «славянского движения», которое все больше привлекает «практичную» молодую славянскую буржуазию, не оставаясь идеологией «романтиков», ученых-славистов, как это было ранее. Понимая бесперспективность навязывания сугубо «русского пути» интеграции славян, идеологи «нового славянского мировоззрения» отказываются от доминирующей роли русского языка. Западные и южные славяне, по-прежнему надеясь на Россию как на возможного союзника, тем не менее не удовлетворялись ее осторожными шагами во внешней политике, а особенно нежеланием активнее продвигать свои экономические интересы в регионе, что было обусловлено неготовностью портить отношения с Австро-Венгрией и Германией. Кроме того, старые славянофильские схемы казались молодому поколению панславистов иллюзорными, оторванными от реальной политической конъюнктуры и, как следствие, исчерпавшими себя (Кострикова 2017).

Попытка реализации вышеуказанных идей и институализации славянского движения была предпринята в ходе проведения Предварительного съезда русских филологов (Санкт-Петербург, 1903), двух Всеславянских съездов (Прага, 1908; София, 1910), Съезда славянских журналистов (Любляна, 1908), в создании Общества славянской взаимности (Петербург, 1909), Союза славянских врачей (Прага, 1908), Общества славянского научного единения (Петербург, 1912) и др. Более того, в ходе многочисленных встреч и совещаний представителей общественно-политических, научных и промышленных кругов славянских стран не раз поднимались вопросы о проведении славянских промышленных и торговых выставок, обсуждались устав Славянского банка, вопросы развития славянского туризма. Некоторые из этих предложений были успешно реализованы. Однако из-за вышеуказанного раскола в рядах панславистов, а также вследствие геополитических потрясений эпохи (аннексия Боснии и Герцоговины, балканские войны, Первая мировая война и др.) «славянская идея» так и не нашла своего полного воплощения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном исследовании в качестве рабочего используется определение панславизма как идейно-теоретического комплекса, данное А.А. Ширинянцем: «Идейно-теоретический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей» (Ширинянец 2008: 75).

2. Интересен тот факт, что, по мнению издателя журнала «Славянский век» Д.Н. Вергуна, название «неославянофильство» было использовано газетой «Санкт-Петербургские ведомости» при нападках на порожденное «Славянским веком» движение и лично на самого Вергуна. Однако сам Вергун отнюдь не считает его негативно окрашенным, так же, как и термин «панславизм», взамен которому некоторые предлагают использовать «великославизм». Для Вергуна подобная игра терминами не более чем схоластика, от которой стоит отказаться. Главным же остается то, какое содержание вкладывается в них (Вергун 1904: 293).

3. В данном исследовании за исходную берется гипотеза о некорректности утвердившейся в отечественной науке дихотомии «панславизм – неославизм», согласно которой в начале XX в. появляется совершенно новая идеология – «неославизм», на корню порывающая с предыдущей традицией «русского панславизма». Нам представляется более корректным, что в начале новой эпохи «панславизм» лишь трансформируется под влиянием исторических условий, а «неославизм» становится его логичным продолжением. Подробнее об этом см.: Болдин 2018: 61 – 78; Григорьева 2013: 45.

4. Нужно отметить, что тезис Ламанского о необходимости распространения русского языка в качестве средства культурного и дипломатического общения, центральный для культурного панславизма, не был поддержан не только молодыми славистами нового поколения, но и многими общественно-политическими деятелями славянского мира. Так, например, один из постоянных авторов журнала «Славянский век», видный деятель славянского движения начала XX в. Илья Владимирович Каменский, человек уже не славянофильского мировоззрения, в своей программной статье «Тезисы панславизма» писал, что дипломатическим языком будущей славянской федерации (Славянского союза) вполне может стать и французский язык, который позволит избежать конфликтов в славянском мире (Каменский 1903: 323 – 324).

ЛИТЕРАТУРА

- Болдин 2018 – *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2018. 376 с.
- Вергун 1900 – *Вергун Д.Н.* От редактора // Славянский век. 1900. Вып. 2. С. 3.
- Вергун 1904а – *Вергун Д.Н.* От редактора // Славянский век. 1904. Вып. 82. С. 293.
- Вергун 1904б – *Вергун Д.Н.* От редактора-издателя // Славянский век. 1904. Вып. 92. С. 561–562.
- Григорьева 2013 – *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск: Аспринт, 2013. 199 с.
- Гудков, Ширинянец 2001 – *Гудков А.Д., Ширинянец А.А.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.
- Гуторов 2014 – *Гуторов В.А.* «Русский вопрос» и Первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретаций // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10, № 2. С. 21–29.
- Егоров 2003 – *Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянских культур, 2003. 368 с.
- Егорова 2017 – *Егорова К.Б.* Письма Д.Н. Вергуна к П.А. Кулаковскому // Библиотека журнала «Русин». 2017. № 1. С. 155–159. DOI: 10.17223/23451734/6/9
- Каменский 1903 – *Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322–325.
- Кострикова 2017 – *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.
- Ламанский 1900а – *Ламанский В.И.* Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 2–15.
- Ламанский 1900б – *Ламанский В.И.* Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 2–8.
- Миллер 2008 – *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Ненашева 1984 – *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М.: Наука, 1984. 239 с.
- Прокудин 2018 – *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с.
- Радич 1901 – *Радич С.* Второй период славянского возрождения // Славянский век. 1901. Вып. 25. С. 4–7; Вып. 26. С. 44–46; Вып. 28. С. 101–105;

Вып. 29. С. 133–136; Вып. 30. С. 163–166.

Стоянович 1901 – *Стоянович Л.* Общеславянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому) // *Славянский век*. 1901. Вып. 15. С. 4–10.

Фоминых, Зиновьев 2015 – *Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 83–94. DOI: 10.17223/18572685/39/6

Фоминых, Степнов 2015 – *Фоминых С.Ф., Степнов А.О.* Публицистика С. Радича на страницах журнала «славянский век» (1900–1905 гг.) // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 86–96. DOI: 10.17223/18572685/42/7

Фрейдзон 1992 – *Фрейдзон В.И.* Статьи Степана Радича в журнале «Славянский век» (1901 г.) // *Балканские исследования*. Вып. 16: Российское общество и зарубежные славяне (XVIII – начало XX века). М.: Наука, 1992. С. 215–222.

Цанков 1902 – *Цанков Стефан*. Славянская идея в Болгарии // *Славянский век*. 1902. Вып. 46. С. 620–624.

Шапошников 1927 – *Шапошников Б.М.* Мозг армии: в 3 кн. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927. Кн. 1. 259 с.

Ширинянец 2008 – *Ширинянец А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский мир, 2008. 412 с.

Boeckh 2016 – *Boeckh K.* The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 // *Boeckh K., Rutar S.* The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory. Palgrave: Basingstoke, 2016. P. 105–137.

Maxwell 2018 – *Maxwell Alexander.* Effacing Panslavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46, is. 4. P. 633–653. DOI: 10.1080/00905992.2017.1374360

Sandor 1981 – *Sandor Kostya.* Pan-Slavism / ed. by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. 109 p.

REFERENCES

Boldin, V.A. (2018) *Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genezis i evolyutsiya* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution]. Moscow: Akvilon.

Vergun, D.N. (1900) *Ot redaktora* [From the editor]. *Slavyanskiy vek*. 2. p. 3.

Vergun, D.N. (1904) *Ot redaktora* [From the editor]. *Slavyanskiy vek*. 82. p. 293.

Vergun, D.N. (1904a) *Ot redaktora-izdatelya* [From the editor]. *Slavyanskiy vek*. 92. pp. 561–562.

Grigorieva, A.A. (2013) *Panslavizm: ideologiya i politika (40-ye gody XIX – nachalo XX veka)* [Pan-Slavism: ideology and politics (the 1840s – early 20th centuries)]. Irkutsk: Asprint.

Gudkov, A.D. & Shirinyants, A.A. (2001) *Politicheskaya mysl' Rossii. Tvorcheskije portrety: Vladimir Ivanovich Lamanskiy* [Russian political thought. Creative

portraits: Vladimir Ivanovich Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 1. pp. 94–119.

Gutorov, V.A. (2014) “*Russkiy vopros*” i pervaya mirovaya voyna: o nekotorykh tendentsiyakh sovremennykh interpretatsiyakh [The “Russian Question” and the First World War: Some Trends in Modern Interpretations]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. 10 (2). pp. 21–29.

Egorov, B.F. (2003) *Ot Khomyakova do Lotmana* [From Khomyakov to Lotman]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Egorova, K.B. (2017) Letters from D.N. Vergun to P.A. Kulakovskiy. *Biblioteka zhurnala “Rusin” – Rusin Journal Library*. 1. pp. 155–159 (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/6/9

Kamenskiy, I.V. (1903) *Tezisy panslavizma* [Theses of Pan-Slavism]. *Slavyanskiy vek*. 59. pp. 322–325.

Kostrikova, E.G. (2017) *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavyanskiy vopros: Ideynaya bor'ba v rossiyskom obshchestve v nachale XX veka* [Geopolitical interests of Russia and the Slavic question: Ideological struggle in the Russian society at the beginning of the XX century]. Moscow: Kuchkovo Pole.

Lamansky, V.I. (1900) *Vzglyad na sud'by yugo-zapadnogo slavyanstva* [A look at the fate of southwestern Slavs]. *Slavyanskiy vek*. 9–10. pp. 2–15

Lamansky, V.I. (1900a) *Mozhno li upodoblyat' Rossiyu Avstro-Vengrii v voprose o narodnostyakh?* [Can we liken Russia to Austria-Hungary in the question of nationalities?]. *Slavyanskiy vek*. 11–12. pp. 2–8.

Miller, A.I. (2008) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and nationalism. Essay on the methodology of historical research]. Moscow: NLO.

Nenasheva, Z.S. (1984) *Ideyno-politicheskaya bor'ba v Chekhii i Slovakii v nachale XX v.* [The ideological and political struggle in the Czech Republic and Slovakia in the early 20th centuries]. Moscow: Nauka.

Prokudin, B.A. (2018) *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Russia's Policy and Thought in the Nineteenth Century]. Moscow: Moscow State University.

Radich, S.A. (1901) *Vtoroy period slavyanskogo vrozozhdeniya* [The second period of the Slavic revival]. *Slavyanskiy vek*. 25. pp. 4–7.

Stojanovich, L. (1901) *Obshcheslavyanskiy yazyk (Posvyashchayetsya V.I. Lamanskomu)* [Common Slavic language (Dedicated to V.I. Lamansky)]. *Slavyanskiy vek*. 15. pp. 4–10.

Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (2015) The magazine “Slavic Century” as a source for the history of the Rusins. *Rusin*. 1 (39). pp. 83–94 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/6

Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2015) Publicism of S. Radich in the Slavic Century Journal (1900–1905). *Rusin*. 4 (42). pp. 86–96 (In Russian). DOI: 10.17223

/18572685/42/7

Freidson, V.I. (1992) Stat'i Stepana Radicha v zhurnale "Slavyanskiy vek" (1901 g.) [Articles of Stepan Radich in the "Slavic Century" magazine (1901)]. *Balkanskiye issledovaniya*. 16.

Tsankov, S. (1902) *Slavyanskaya ideya v Bolgarii* [Slavic idea in Bulgaria]. *Slavyanskiy vek*. 46. pp. 620–624.

Shaposhnikov, B.M. (1927) *Mozg armii* [The Brain of the Army]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.

Shirinyants, A.A. (2008) *Russkiy khranitel': politicheskiy konservatizm M.P. Pogodina* [Russian Guardian: Political Conservatism of M.P. Pogodin]. Moscow: Russkiy mir.

Boeckh, K. (2016) The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13. In: Boeckh, K. & Rutar, S. *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory*. Palgrave: Basingstoke.

Maxwell, A. (2018) Effacing Panslavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation. *Nationalities Papers*. 46 (4). pp. 633–653. DOI: 10.1080/00905992.2017.1374360

Sandor, K. (1981) *Pan-Slavism*. Astor Park, Florida: Danubian Press.

Болдин Владимир Алексеевич – преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Vladimir A. Boldin – Lomonosov Moscow State University (Russia).

E-mail: boldin.va@gmail.com